

Состояние пограничья в нагайбакской этноистории, культуре и родстве*

С. Ю. Белоруссова

1) Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3
E-mail: Svetlana-90@yandex.ru

2) НИУ «Высшая школа экономики»
190121, г. Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д.16
E-mail: Svetlana-90@yandex.ru

Аннотация. Этничность нагайбаков зародилась в 1736 г. после образования Нагайбакской крепости, в которую собирали окрестных инородцев разного происхождения и после (при условии) крещения наделяли казачьим статусом. Позднее, после их переселения на Новую линию в 1842–1843 гг., нагайбаки обособились в особую группу: принадлежность к военному сословию, соседство с народами разных традиций и верований помогли нагайбакам стать «людьми границы» в пространственном и социокультурном значении. «Пограничное состояние» позволило им объединить оппозиции в своей этничности — гостеприимство и соперничество, открытость новациям (в виде активного участия в этнопроектах) и закрытость традиций (в проявлении ритуалов родства). В разные периоды истории нагайбаки «включали» то открытость, то закрытость, то их различные сочетания. Акцент на закрытости дал возможность сохранения своей культуры в советское время («интровертность»). В постсоветский период, напротив, они мобилизовали свою этничность через открытость («экстравертность»). Динамизм в этничности обусловил переход нагайбаков от пространственной мобильности в прошлом к этнической активизации в современности. Находясь на перекрестке разных типов культур — кочевой и оседлой, христианской и мусульманской, евро-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-06-00119.

В работе используются материалы диссертационного сочинения: Белоруссова, С. Ю. Динамика этничности нагайбаков в XVIII–XXI вв.: дисс. ...канд. ист. наук. М., 2017.

пейской и азиатской — нагайбакская культура стала восприимчивой и адаптивной, а кочевое и пограничное казачье социокультурное наследие послужило основанием мобильности и маневренности в действиях нагайбаков.

Ключевые слова: нагайбаки, этничность, пограничье, мобильность, оседлость, традиция, новация

Copyright: © 2019 Белоруссова, С. Ю. Данная статья публикуется онлайн в сетевом научном журнале открытого доступа “Tractus aevorum” на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять эту работу с обязательным указанием ссылок на её автора и оригинальную публикацию.

Liminality in the Ethnohistory, Culture, and Kinship of the Nagaibaks

S. Iu. Belorussova

1) Peter the Great Museum of Anthropology
and Ethnography (Kunstkamera),
Russian Academy of Sciences
Universitetskaia emb. 3, St. Petersburg, 199034, Russia
E-mail: Svetlana-90@yandex.ru

2) National Research University “Higher School of Economics”
Soiuz Pechatnikov st. 16, St. Petersburg, 190121, Russia
E-mail: Svetlana-90@yandex.ru

Abstract. The ethnicity of the Nagaibaks originated in 1736 after the establishment of the Nagaibak fortress, in which *inorodtsy* of different backgrounds from adjacent areas were gathered and given the status of Cossacks (on condition of their baptism). Later, after their resettlement to the New Line in 1842–43, the Nagaibaks formed a peculiar community: their membership in a military estate and their inclusion of peoples of different traditions and creeds helped them to become “a border people” in spatial and sociocultural dimensions. In turn, this “liminality” allowed the Nagaibaks to unite opposing features within their ethnicity—hospitality and rivalry, openness to innovation (in terms of active participation in ethnic projects) and closeness in traditions (in terms of preserving rituals of kinship). At various points in their history, the Nagaibaks turned to either openness or closeness, or a combination of both. In the Soviet period, an emphasis on closeness allowed them to preserve their culture (“introvert mode”). In the post-Soviet period, on the contrary, the Nagaibaks mobilized their ethnicity through openness (“extrovert mode”). This dynamic ethnicity

made possible a transition from the spatial mobility of the past to the activization of ethnicity in the present. Through their development at the crossroads of different types of cultures (nomad and sedentary, Christian and Muslim, European and Asia) the Nagaibak culture became open-minded and adaptable, while the nomad and Cossack sociocultural heritage led to mobility and flexibility in their actions.

Keywords: Nagaibaks, ethnicity, borderland, mobility, sedentism, tradition, novation

Динамика этничности связана с освоением пространств, пересечением границ, преобразованием пограничья в трансграничье. По словам Ф. Ратцеля, «ни один народ не обитает сегодня на территории, где он возник, и не всегда на ней останется» (Ratzel 1882, s. 49). Ф. Барт показал, что в полиэтничных сообществах границы во многих случаях проницаемы и образуют пространство новых связей. При этом «сохранность этнической группы зависит от устойчивости ее границы», которая формируется через «ситуации социальных контактов между людьми разных культур» (Barth 1969, p. 20–24).

Э. Лид полагал, что «границы создает тот, кто их пересекает» (Leed 1991, p. 17), и людям пограничья свойственна особенная культура со специфическим восприятием мира. Границу всегда отличала подвижность, поэтому Лид сравнил ее с понятием «путь» (*path*), а окраинные земли обозначил как «мир со своей собственной логикой, очередностью, свободами и ограничениями, а не просто границей между внутренним и внешним пространством» (Leed 1991, p. 79). Между тем граница всегда ассоциировалась с мобильностью групп, обширностью сетей и контактов (Головнев 2018; Урри 2012; Ingold 2011).

Трансграничье сыграло ключевую роль в российской истории, поскольку «Россия есть государство пограничное, есть европейская окраина, или украинна со стороны Азии» (Соловьев 1988, с. 709). Российская практика освоения пограничья (или «окраины») имела существенные отличия от западного опыта фронтальной колонизации. На окраине происходили долговременные контакты и взаимодействия между культурами и традициями. Характеризуя их специфику, А. В. Головнев отметил: «В Евразии и России это пограничное пространство было не местом знакомства и противоборства разных цивилизаций, а ареной обновления прежних связей и перераспределения власти между стареющими и новоявленными метрополиями» (2015, с. 532–533).

Одной из движущих сил российского пограничья было казачество, которое по своей природе ассоциировалось с пограничьем, походами, разбоями, волей атаманов: «Казачье сообщество лишь извне выглядело монолитным, а изнутри представляло собой котел разных

нравов, интересов, затей» (Головнёв 2015, с. 335). Казачество формировалось из представителей различных народов. Так, например, в состав терских и гребенских казаков, появившихся в конце XVI в., входили кабардинцы, чеченцы, кумыки, ногайцы, грузины, армяне, черкесы.

«Находясь на пограничье, казаки во внешних действиях ориентировались на конфликты, вникая в противоречие и интриги соседних держав, принимая то одну позицию, то другую, то несколько кряду. Эта турбулентность обусловила своеобразную пограничную ментальность, в которой маневр преобладал над постоянством» (Головнёв 2015, с. 335).

Казаки на пограничье задавали мощный колонизационный импульс:

«...даже будучи изгоями и бунтарями, были по-своему порождением державы и сохраняли с нею связь. Парадокс состоял в том, что чем больше изгоев выталкивало государство, тем шире становилось осваиваемое ими порубежье. Переходя границы, “лишние люди” открывали путь следовавшему за ними государству» (Там же, с. 335).

В условиях российской колонизации на пересечениях традиций и культур формировались новые сообщества, которые впоследствии образовали отдельные народы со своей территорией, традициями, реалиями и мифами. В условиях турбулентности и динамики на южноуральской окраине, на перекрестке пограничных и торговых путей менее 300 лет назад началась история нагайбаков.

Зарождение сообщества и обретение этнических черт

Появление нагайбаков связано с колонизационной политикой Российской империи 1730-х – 1740-х гг., когда в степном поясе Урала шло строительство Оренбургской оборонительной линии и одновременно, в 1735–1741 гг., подавление мятежа башкир. Механизм «острожной колонизации» предполагал укрепление достигнутых рубежей созданием нового слоя «живой границы» в лице казаков.

По сообщению руководителя Оренбургской экспедиции, обер-секретаря Сената И. К. Кирилова, в 1730-х гг. на Южном Урале отсутствовали крепости и группы населения, которые могли бы стать военной опорой в губернии. Руководство решило привлечь к этому пришлых ясачных новокрещен, которые не поддерживали башкирские восстания и были заинтересованы в избавлении от их угрозы. 11 февраля 1736 г. вышел указ за подписью императрицы

Анны Иоанновны о том, что «уфимских новокрещеных, за их верную службу, определить в службу казацкую... и ясак с них снять».¹

На месте, где происходили башкирские восстания под предводительством Кусюма и его сына Акая, в 1736 г. была основана Нагайбакская крепость. В неё собирали окрестных инородцев разного происхождения и после (при условии) крещения наделяли казачьим статусом. В самом начале строительства крепости 261 новокрещен получил казачий статус.² В 1737 г. был учрежден штат, состоящий из атамана, 6 сотников, 6 писарей и 586 казаков.³ К окончанию строительства Нагайбакской крепости количество казаков было увеличено до 1 250 человек,⁴ а в 1760-х гг. их насчитывалось 1 359⁵ (примерно столько же казачьего населения было в 1795 г.).⁶

В 1740-е гг. в Нагайбакской крепости учредили отделение Казанской Новокрещенской конторы, которая могла беспрепятственно осуществлять массовые крещения среди инородцев. В состав крепости принимали как «магометан» – татар, башкир, тептярей, киргизов, так и «идолопоклонников» – черемисов, мордву, чувашей. При этом одни вступали в казачество, другие оставались ясачными крестьянами.

Нагайбакская крепость постепенно становилась местом сбора и концентрации новокрещен, где осуществлялся контроль за исполнением ими христианских обрядов и чиновничьих предписаний. В дальнейшем крепость принимала не только местных инородцев, но и бежавших из плена «азиатцев». В указе Государственной коллегии Иностранных дел от 16 февраля 1752 г. говорилось, что неподданных Российской империи, бежавших из киргиз-кайсацкого плена, возвращать обратно, кроме тех, кто «пожелает воспринять святое крещение» (Рычков 1762, ч. 1, с. 192). К 1760 г. беглецов, воспринявших крещение, было 68, в том числе персы, аравитяне, бухарцы и каракалпаки (Там же). Н. П. Рычков, путешествовавший через Уфимскую провинцию в 1769 г., назвал жителей крепости «собранием различных Азиатических народов» (1770, с. 68).

¹ Указ императрицы Анны Иоанновны Румянцеву и Кириллову. В кн. *Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. 1735 и 1736 гг.* Оренбург, 1900. Т. 2. С. 193.

² Ден 1902, с. 211.

³ Стариков 1884, с. 177.

⁴ Атнагулов 2015, с. 39.

⁵ Рычков 1762, ч. 2, с. 207.

⁶ Исхаков 2004, с. 141–142.

Появление самосознания

После Пугачевского восстания Нагайбакская и Бакалинская станицы утратили свое военно-стратегическое, религиозное и административное значение. Новокрещенская контора была закрыта, масштаб крещений среди инородцев существенно уменьшился. Продолжение колонизационной политики Российской империи в начале XIX в. вызвало необходимость строительства новых казачьих укрепленных поселений на Уйской линии, проходившей от Орска до станицы Березовской (Атнагулов 2015, с. 73). Здесь располагались кочевья казахов, а формальным поводом для создания Новой линии были непрекращающиеся столкновения между кочевыми родами башкир и казахов. Согласно плану, воинственные народы разделяли полосой в 120–150 верст, где должны были поселиться казаки.

Среди переселенцев были служилые из крепостей и станиц Оренбургской губернии, в том числе Нагайбакской и Бакалинской, с прилегающими к ним деревнями. В 1842 г. казаков Нагайбакской (в количестве 250 человек) и Бакалинской станиц (1 531 человек) с семьями начали переселять в три района Оренбургской губернии.⁷

Казаки отнеслись к идее переселения без энтузиазма: для них она означала потерю связи с освоенной землей (родиной) и оставшимися на прежнем месте родственниками. На сегодняшний день существует не так много документальных свидетельств о переселении нагайбаков на Новую линию, однако в народной памяти хорошо сохранились эмоции от переезда – чувства потери и обреченности, нежелание покидать свои земли. По свидетельству Е. А. Бектеевой, «нагайбаки, в особенности женщины, сильно тосковали по прежней – богатой природой – родине: приходя с ведрами за водой, нагайбачки садились на берегу реки и горько плакали» (1902, с. 179). Судя по всему, отрицательное отношение к отъезду из своих земель связано, в том числе, с его подневольным характером.

Общие переживания и трудности обустройства на чужбине дополнительно сплотили переселенцев, получивших особое наименование по месту их прежней дислокации (Нагайбакской крепости) – нагайбаки. Правда, переселение разделило их на три группы – южную (оренбургскую), северную (чебаркульскую) и центральную (собственно нагайбакскую). На новом месте нагайбаки построили новые станицы (поселки) и в качестве жалованья за казачью службу получили земельные наделы, постепенно превратившись из стражей границы в оседлых аграриев.

Этнографы и очевидцы позитивно оценивали контакты нагайбаков с соседними народами, в том числе с кочевыми киргиз-кайсаками: «Кругом казаков кочевали киргизы, а угнать чужой табун считалось у них особым доказательством удалства. Впрочем, в

⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 15. Д. 1085. Л. 4об.

отношениях нагайбаков с киргизами незаметно особенной вражды» (Бектеева 1902, с. 179). Священник Фершампенуазского прихода М. Софронов отметил:

«Ногайбаки имели более или менее близкое знакомство с киргизами, так как свой домашний скот отдавали пасты киргизам, потому вступали с ними в частые сношения: ездили к ним смотреть свой скот, стричь овец или так себе – побывать. Киргизы потчевали их кумызом, иногда и кониной; конечно, и сами киргизы часто бывали у нагайбаков» (Софронов 1898, с. 837).

Нагайбаки-мужчины, благодаря своей казачьей мобильности, активно общались с русскими и неплохо знали их язык (Небольсин 1852, с. 22). Бектеева отметила хорошие взаимоотношения между русскими и нагайбаками: «К русским казаки относятся с уважением, не считая однако себя ниже их» (1902, с. 180), и народы «живут в согласии» (1902, с. 166). Софронов же описывает их, скорее, как обособленную группу: «Мало имели сношений нагайбаки с русскими, а потому и не могли обрусеть» (1898, с. 837). Нагайбаки являлись закрытым сообществом; в его основе лежала отчужденность от других народов, которые, в свою очередь, воспринимали казаков-нагайбаков как «чужих». Находясь в окружении двух разных культур – русской и казахской, – нагайбаки сохраняли свою особость, выражавшуюся в замкнутости, в том числе брачной эндогамии и опоре на родственно-соседские взаимодействия.

С 1870-х до 1910-х гг. этничность нагайбаков подогревалась соперничеством за их религиозность между православными и мусульманскими миссионерами. И те, и другие убеждали нагайбаков в особости: православные просветители настаивали на их отличии от татар-мусульман (родственных по языку), а мусульманские – на отличии от русских казаков (родственных по религии). Православные миссионеры испытывали сложности в работе с нагайбаками, поскольку до этого имели опыт работы с «иностранцами» – ясачными крестьянами, а не служилыми казаками. Работа с центральной группой нагайбаков проходила в особых условиях: её лично контролировал казанский востоковед Н. И. Ильминский, известный особым подходом по привлечению иностранцев к православной вере.

По словам современников, благодаря миссионерам, «нагайбаки (центральной группы – С. Б.) толпами идут в церковь, и прежняя, отображавшаяся скука на их лицах во время богослужения, заменилась теперь слезой умиления» (Бектеева 1902, с. 178). Священники, в свою очередь, не только приобщали нагайбаков к вере, но и подчеркивали своеобразие нагайбакской культуры, её независимость от татарской. Нагайбаки южной группы испытывали влияние со стороны как православных, так и мусульманских миссионеров. В риторике

православных священнослужителей речь шла об отколе нагайбаков от христианства. Однако известно, что часть предков нагайбаков до своего крещения исповедовала мусульманскую веру, поэтому для них обращение в ислам было возвращением к прежней религии. Православным миссионерам так и не удалось «спасти» южных нагайбаков от магометанского влияния: все поселки южной группы перешли в ислам.

Влияние внешних факторов по-разному сказалось на облике трёх групп: южная сменила не только религиозное самосознание, но и этническую идентичность – сегодня потомки оренбургских и орских нагайбаков считают себя татарами-мусульманами; центральная и северная группы сохранили приверженность православию (за исключением отдельных селений, например, Требии). К началу XX в. именно у нагайбаков центральной группы оформилось осознание себя отдельной общностью со своими традициями, ритуалами, религией, фольклором, легендами о происхождении, историями о ратных казачьих подвигах (Белоруссова 2016, с. 50).

Рис. 1 / Pic. 1

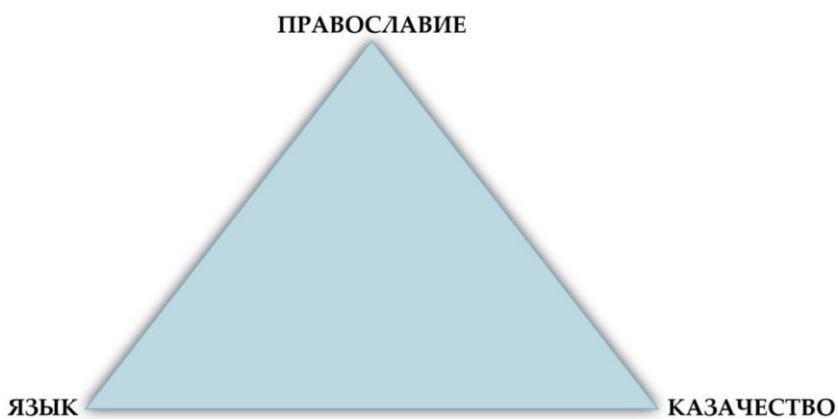
Парижские нагайбаки. Начало XX в. Архив музея села Париж
The Nagaibaks of Paris. The early twentieth century.
The Archive of the Museum of the Paris Village

К началу XX в. у нагайбаков оформились границы этничности в виде триады признаков – православие, язык, казачество. Именно триединство этих маркеров препятствовало их слиянию с другими этническими группами: по вере они не могли сблизиться с мусульманскими народами; тюркский язык был препятствием для слияния нагайбаков с соседним русским казачьим населением; социальный статус служилых казаков отделял их от крестьян-кряшен.

График 1 / Graph 1

Треугольник этнической самобытности нагайбаков
The triangle of ethnic identity of the Nabaibaks

В революционных событиях 1917 г. нагайбаки не примкнули ни к одной из враждующих сторон, и, по словам современников, новости о революции до них дошли значительно позднее. Драматичные события происходили в годы Гражданской войны. Остроленские и кассельские нагайбаки рассказывают о поддержке белого движения. Многие казаки погибли в ходе военных действий, часть вслед за Дутовым ушла в Китай. Парижские нагайбаки воевали на обеих сторонах, но в итоге поддержали красных. Сегодняшним брендом села Париж является история об организации там штаба В. К. Блюхера.

Репрессии и отрицание

С 1930-х гг. у нагайбаков произошел поворот в этничности: после переписи 1939 г. их перестали считать отдельным народом и причислили к татарам. Репрессии советского времени были направлены против всех основ этничности нагайбаков – православия (атеистическая пропаганда), казачьего статуса (политика расказачивания) и

нагайбакского говора (его замена в практике обучения и официального общения татарским языком).

Тогда же из реестра народов в переписях и документах (свидетельствах о рождении и паспортах) исключили национальность «нагайбак», в результате чего народ формально прекратил свое существование. Вдобавок, вместо распространенного в прошлом позитивного образа отважного казака-нагайбака в информационный оборот была запущена уничижительная версия об их принудительном крещении («насиленно крестили в вонючем болоте»). С того же времени обучение в школах проводилось на татарском языке с привлечением татарских учителей, хотя в самосознании и в восприятии соседей (русских и казахов) они считались самостоятельной общностью. В советское время быть нагайбаком было неудобно и нестатусно, а формально и просто невозможно.

В связи с политикой непризнания нагайбаков отдельным народом в их этничности проявилось неприятие обозначения себя и своей культуры словом «татарский». Нагайбаков из центральной группы волновала тема навязанной татарской этничности: «Я не татарин, это я чувствую здесь [жест указания на сердце]». ⁸ При этом у них не было противоречий с татарами, напротив, многих связывают с ними дружеские отношения и родственные узы. Во многом именование нагайбаков татарами произвело «эффект от противного» – всплеск национального движения с середины 1980-х гг.

В тех условиях нагайбаки были склонны к принятию концепции «советского человека». При общении с разными людьми отмечали не этническую, а территориальную принадлежность к району, области, стране. Большую роль в этноистории «советских» нагайбаков сыграли Великая Отечественная война, коллективизация, освоение целинных земель. В сегодняшних воспоминаниях жителей советский нагайбак – это труженик колхозов и совхозов, активный участник самостоятельных организаций.

Казачья (боевая) идентичность выразилась в особом почитании нагайбаков – участников Великой Отечественной и афганской войн. При этом нагайбаки сохраняли внутренние обычаи поминального характера, в том числе обряд *Аш бирәу*, Родительские дни, Троицу. ⁹ Тем не менее, в течение жизни двух поколений (1940-е – 1980-е гг.) этничность нагайбаков пребывала в латентном состоянии, характеризуюсь закрытостью и интровертностью (Головнёв 2013, с. 8).

⁸ ПМА, с. Фершампенуаз, июль 2014.

⁹ У нагайбаков Родительские дни и Троица считаются поминальными обычаями, которые сопровождаются посещением кладбища и трапезой в честь усопших.

Возрождение и активизация

Этнический реванш нагайбаков пришелся на постсоветский кризис. В их движении сошлись векторы религиозного, казачьего и этнокультурного возрождения. Кроме того, в этнической мобилизации яркую роль сыграл лидер нагайбаков Алексей Маметьев, оказавшийся обладателем оптимального набора качеств, нужных в тот момент для решительного этнического самоопределения нагайбаков.

Проработав большую часть жизни вдалеке от нагайбакской родины, Маметьев сумел взглянуть на неё со стороны. В возрасте почти 60-ти лет он начал работать над созданием первого музея в Фершампенуазе. 6 мая 1985 г. музей был открыт: эту дату можно назвать началом подъема нагайбакской этничности.

Рис. 2 / Pic. 2

А. М. Маметьев. Личный архив семьи Маметьевых
A. M. Mamet`ev. The family archive of the Mamet`evs

Деятельность Маметьева послужила импульсом к активизации культурной жизни нагайбаков. Местные жители основали народные коллективы в каждом нагайбакском селении – Фершампенуазе (*Сак сок*), Париже (*Чиммелек*), Остроленском (*Сарашлы*) и Кассельском (*Гумыр*). Впоследствии в тех же селениях открылись и музеи, в экспозициях которых главный акцент делался на предметах нагайбакской культуры. Музеи оказались не просто центрами народной культуры, а своего рода

священными обителями, хранящими нагайбакское наследие. В остроленском музее проводились традиционные праздники, кроме того, там существовала молельная комната, где проходили православные обряды, в том числе крещение.

Самым важным проектом А. М. Маметьева стало приобретение нагайбаками статуса отдельного народа. Он вел переписку с председателем Совета национальностей Верховного Совета СССР Р. Н. Нишановым, директором Института этнологии и антропологии АН СССР В. А. Тишковым. В июне 1993 г. Верховный Совет Российской Федерации принял Закон «Основы Законодательства РФ о правовом статусе коренных малочисленных народов», в котором нагайбаки были включены в перечень КМН. Первым делом они начали менять паспорта, где в графе «национальность» их отныне записывали «нагайбаками». Это время можно назвать «нагайбакской эйфорией» – в самосознании людей появилось новое для них чувство собственной этнической значимости.

Сегодня этничность нагайбаков поддерживается благодаря осуществлению этнопроектов – созданию и функционированию музеев, фольклорных коллективов, фестивалей, конференций, языковых факультативов. Последние несколько лет нагайбаки участвуют в религиозных проектах – восстановлении и строительстве православных церквей в своих селениях. Согласно недавнему анкетированию, собственная этническая идентичность вызывает у большинства нагайбаков чувство гордости.

Рис. 3 / Pic. 3

**Современный казак. Фото С. Ю. Белоруссовой. С. Париж
A contemporary Cossack. Picture by S. Iu. Belorussova. Village of Paris**

Рис. 4 / Pic. 4

**Кассельская нагайбачка. Фото С. Ю. Белоруссовой. Кассельский
The Kassel'skii Nagaibak. Picture by S. Iu. Belorussova. Kassel'skii**

В переписи 2002 г. нагайбаков числилось 9 600 человек, из которых 7 394 проживали на территории Нагайбакского района Челябинской области. В переписи 2010 г. было зафиксировано 8 148 нагайбаков, большинство из которых (6 127 человек) – представители центральной группы (Атнагулов 2015, с. 187–196). При этом, согласно частным опросам и наблюдениям, многие нагайбаки (в особенности представители северной группы) записываются в переписи «русскими», однако осознают себя нагайбаками.

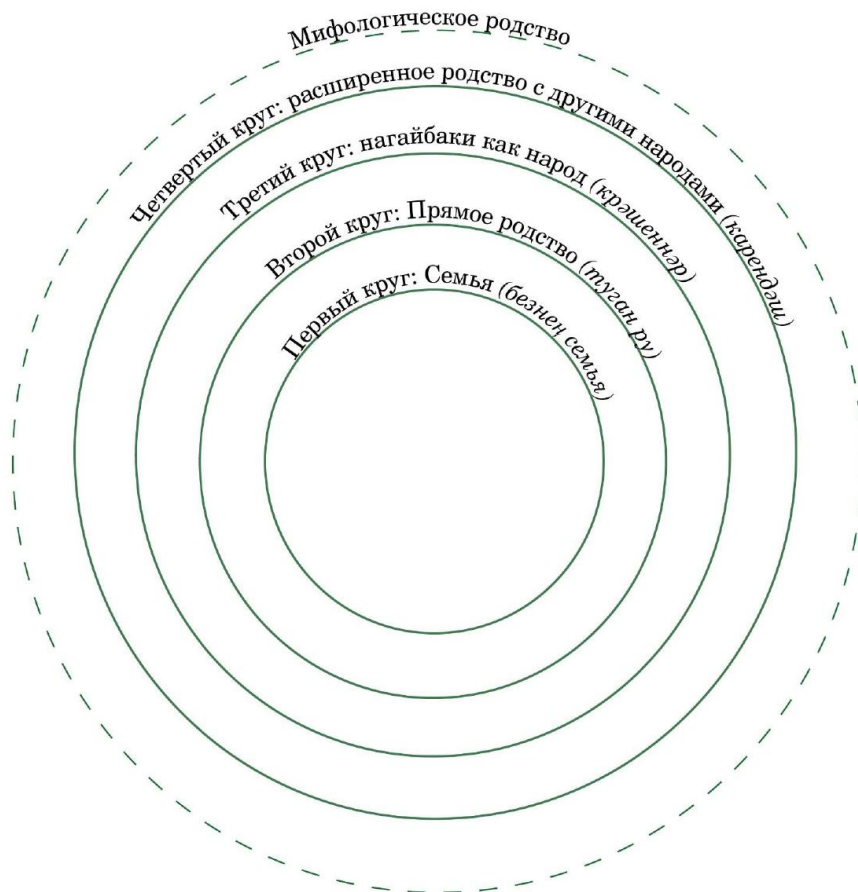
Границы родства

На языке нагайбаков «родня» и «родной» – *туган*; производное от него *туганлык* переводится как «родство», *туганнар* – «родственники». К *туган* относят родственников нескольких поколений, а граница родства устанавливается внутри самих семей и собственного рода. В одной ситуации *туган* может употребляться только в отношении кровного родства, в другой – применительно ко всем нагайбакам и даже соседним народам. В этом отношении более четкие границы определяет *туган ру* – «родство по роду». Границы родства у нагайбаков могут меняться в зависимости от ситуации или настроения. Для демонстрации технологий родства у нагайбаков удобно определение «кругов родства»,

от самого узкого (семья) до самого широкого (связь с этнически близкими народами) (Белоруссова 2017, с. 88–95).

График 2 / Graph 2

**«Круги родства» нагайбаков
'The circles of kinship' of the Nagaibaks**

Первый круг: Семья (безнең өй – «наш дом»)

Семья – наиболее устойчивая ячейка родства. На сегодняшний день в языке нагайбаков нет специального слова в обозначении «семьи», обычно для отражения этого смысла используется *безнең жорт* или *безнең өй* – «наш дом». В круг семьи входит близкая родня: родители мужа/жены, их братья и сестры, дети.

Семья – самый сплоченный и закрытый «круг». Нагайбаки показывают крепость семейных контактов в отличие от отношений непрямого родства и свойства: *жидә бажайны бер бүре ашаган, ә ике агайны жидә бүрене жиңгәннәр* («семерых свояков один волк съел, а два

брата одолели семерых волков»). При этом нарушение сплоченности (к примеру, утеря контактов братьев и сестер, родителей и детей) и замкнутости [у нагайбаков говорят *ауызың тулық кара кан бусла да, кеше кильгәч төкермә* – «даже если рот полон крови – при других не сплевывай!】 вызывает порицание внутри сообщества. Вместе с тем крепкому семейному родству присуща его естественная узость, в чём оно заметно уступает следующему «кругу» *туган ру* – родству нескольких колен и поколений.

Второй круг: Прямое родство (*туган ру*)

Старинная нагайбакская пословица гласит: *Сигез тәңкә акчаң булганчы, сигез быуын тамырың булсың* – «не имей восьми рублей, а имей родственника в восьмом колене». Многие согласны, что богатство измеряется не деньгами, а количеством родных. По традиции нагайбаку необходимо поддерживать связь с кругом семи-восьми колен родственников, хотя на сегодняшний день такое «предписание» труднодостижимо. В связи с эндогамностью нагайбакского сообщества к седьмому-восьмому колелу родственников относятся жители не только своего селения, но и соседних. Поскольку для определения «своего» нужно наличие «чужого», нагайбаки существенно «сузили» границы родства: сегодня многие нагайбаки признают «кровной» родню до второго и третьего колена. К примеру, нагайбачка Надежда Фирсова назвала «кровными» троюродных родственников, однако четвероюродных она уже не относит к родне;¹⁰ Егор Исупов и вовсе рассудил, что у нагайбаков «троюродные братья и сестры не считаются близкими родственниками».¹¹

Родственным ритуалам нагайбаков свойственна замкнутость. Принято, что все родственники имеют возможность проститься с усопшим – могут «сидеть ночь» до похорон, участвовать в погребении. Однако на поминальных обрядах круг сужается: обычно на поминки приглашают родню не дальше двух колен. Одновременно близкие родственники имеют больше обязательств: по словам Евдокии Исаевой, двоюродные «должны копать могилу усопшему», а троюродные родственники не имеют таких обязательств.

В нагайбакских поселках проживают разные «кланы» под одинаковыми фамилиями: в Остроленском четыре рода Юскиных, в Нежинке – два рода Уряшевых, в других нагайбакских селениях есть по несколько родов Батраевых, Кинзиных, Яковлевых, Федоровых и др. Каждый род знает примерные рамки «своей» и «чужой» линий среди однофамильцев. К примеру, все Юскины связаны родством,

¹⁰ ПМА, с. Фершампенуаз, август 2015.

¹¹ ПМА, пос. Остроленский, август 2012.

но обособленность каждого из четырех родов уже стала традицией. Согласно наблюдениям, представители династий могут общаться, помогать друг другу, но при этом не принято нарушать границы родства: представителю не своего рода негласно запрещено участвовать в «чужом» мероприятии.

Третий круг: нагайбаки как народ (*жерэшеннар*)

В этот «круг» включается родство между нагайбаками как внутри конкретной группы, так и всего народа. Поскольку в пределах своего селения нагайбаки в основном приходились друг другу родственниками, обычным делом считался поиск брачного партнера в соседнем нагайбакском селении. По словам Эммы Георгиевны из села Попово, «когда я была маленькой, здесь на русских никто не женился; ездили в Болотово и там нагайбачек сватали». ¹²

Нагайбаков из разных селений одной группы связывает «паутина» родства: например, при знакомстве нагайбаки начинают с поиска родственных нитей – так им удается прочнее подружиться, а иногда и «породниться». Николай Васильев из Остроленского следующим образом нашел четвероюродную тетю из Кассельского:

Как-то поехали в Кассель, зашли чай попить, а там бабушка, которую я не знал. Она спрашивает: «Сынок, ты откуда?» – «Мы Васильевы», – «Ой, Кодай [Боже – С.Б.], ты мой родственник». Оказывается, мы по матери были четвероюродными; после этого мы до самой её смерти знались. ¹³

Северная и центральная группы нагайбаков связывают себя одной судьбой и определяют друг друга как соседей-родственников. Считается, что переселение 1842–1843 гг. разделило единый народ, а в некоторых случаях даже раскололо семьи: «После переселения они приезжали друг к другу в гости и по рисунку на наличниках окон дома определяли родных», – рассказала Наталья Юскина. Нагайбаки обеих групп именуют друг друга по-разному: чебаркульские нагайбаки называют жителей Нагайбакского района *гумбейлер* («гумбеи») по реке Гумбейской, на которой расположены села центральной группы. Те, в свою очередь, определяют жителей северной группы как *варламлар* («варламовцы») по одному из сел, в котором проживают чебаркульские нагайбаки.

¹² ПМА, д. Попово, июнь 2014.

¹³ ПМА, пос. Остроленский, октябрь, 2015.

Четвертый круг: расширенное родство с другими народами (карендэш)

Территориально и ментально нагайбаки находятся на перекрестке культур – тюркской и русской, православной и мусульманской. В советское время нагайбаки стремились быть ближе к русским, а иногда и называться «русскими». Кое-кто и сегодня определяет себя как «русского», а некоторые говорят о двойном самосознании – «нагайбако-русском». Близость с соседним казахским населением проявляется через язык: некоторые нагайбаки знают казахский, а кое-кто из казахов владеет языком нагайбаков. Бывший глава Нагайбакского района казах Каирбек Сеилов гордился, что он может общаться с нагайбаками на их родном языке: «Когда ко мне приходят люди на прием, я легко разговариваю с ними на нагайбакском».¹⁴ Не исключено, что этот навык предопределил успех Сеилова на руководящей должности, поскольку помог казаху стать для нагайбаков «своим».

Наиболее близким к нагайбакам сообществом считаются кряшены: у народов сходная культура, история, традиции; их современные этнокультурные проекты имеют немало общего. Некоторые местные жители, а также ученые, политики и общественные деятели считают кряшен и нагайбаков «единым народом». При встрече нагайбаки и кряшены стараются разговаривать на одном языке, обсуждают сходство своих традиций и обрядов. Периодически в разговорах кряшены и нагайбаки называют друг друга *туган*, обнимаются и приглашают в гости. При этом «роднение» с кряшенами имеет ситуативный характер – в этом движении в большей степени участвуют деятели культуры, а «усиление» родства зависит от интенсивности взаимных контактов.

Согласно представлениям некоторых нагайбаков, они связаны родством с ногайцами, арабами, турками, гагаузами и др. Николай Васильев рассказал, что однажды ногайцы назвали его *туганнар*, поскольку в местах современного проживания нагайбаков «у Ногайской Орды были пастбища». Житель Остроленского нашел схожими «танцы гагаузок и нагайбачек». Нагайбаки рассказывали об ощущении родства по языку с татарами или башкирами, если они находятся в ином (чаще всего русскоязычном) окружении, или о близости по религии с русскими (к примеру, если они в окружении мусульман). Родственная связь нагайбаков с другими народами часто «обнаруживается» во время поисков истоков собственной этничности. Такое родство условно и зависит от конкретной ситуации и контекста.

¹⁴ Нагайбакское районное телевидение «Неделя». 07.11.2011.

Мифологическое родство можно вынести за пределы общих «кругов родства». К нему относятся включение нагайбаками в свое сообщество известных деятелей истории и современности. По словам Петра Минеева, «история нагайбаков идет от Державина, Бориса Годунова – они же крещины». Кроме того, к нагайбакам относят «командира Брестской крепости Гаврилова, Менделеева». Парижанин Юрий Батраев полагает, что «Тютчев и Державин – выходцы из кряшен, а отец Суворова был воеводой Нагайбакской крепости восемь лет».

В 2012 г. нагайбаки предприняли поездку по европейским городам, от которых произошли названия их селений. Нагайбаки считают, что их предки в прошлом участвовали в войне с Наполеоном и Заграничных походах русской армии 1813–1814 гг., поэтому воспринимали поездку как дань родным и планировали «найти своих оставленных родственников». По этому поводу участница проекта Надежда Фирсова выразилась: «Если наши деды там были, то неужели не наследили? Я сразу наших увижу».¹⁵ Таким образом, приобщение к легендарным деятелям истории и современности, представителям «чужих» сообществ является примером действия родства как технологии этничности нагайбаков.

Двойственность пограничья

Состояние пограничья, которое применимо к этнической истории, культуре и родственным отношениям нагайбаков, выработало у них качество двойственности, которое легло в основу их самосознания и культуры.

Мобильность–оседлость. На сегодняшний день нагайбаки представляют классическое оседлое сообщество с ценностями «родины» и «домашнего уюта». Согласно анкетированию, своими главными положительными этническими чертами нагайбаки считают «трудолюбие», «гостеприимство», «чистоплотность». Под трудолюбием они понимают «умение построить дом», «следить за домашним хозяйством»; под гостеприимством – способность грамотно встречать, угощать и развлекать гостей в своем доме; под чистоплотностью – «умение содержать свой дом в порядке». По поводу этих положительных характеристик у нагайбаков существует немало ритуалов и обычаев («помощь» в постройке дома, традиция песен и частушек при встрече гостей и др.) Для демонстрации различия культур соседних народов – казахов (кочевников) и нагайбаков (оседлых) – существует пословица: «Нагайбак разбогатеет – дом построит, казах разбогатеет – коня купит».

Однако многие нагайбаки считают, что изначально принадлежали к мобильному сообществу, поскольку некоторые

¹⁵ ПМА, пос. Остроленский, август 2012.

поселенцы Нагайбакской крепости были выходцами из среды степных кочевников. По словам жителя Остроленского Н. Васильева, старые жители называли себя «степняками», а в старинных песнях поется о том, что нагайбаки «ставили белые юрты». ¹⁶ Некоторые иллюстрируют свой «кочевой дух» любовью к лошадям: среди нагайбаков немало тех, кто занимается коневодством, а также участвует в скачках.

Нагайбаки гордятся мобильностью своих предков и их готовностью к действию: «Войны нет – пашут, сеют, детей рожают, занимаются спокойным делом; как гудок – сел на коня, шашка готова и полетел». ¹⁷ Не исключено, что нагайбаки, благодаря своему пограничному состоянию, сумели объединить качества локальности и магистральности как характерные черты этничности (Головнёв 2012, с. 11–12).

Открытость–закрытость. Этничность нагайбаков сложилась из элементов разных культур, и сегодня потомки жителей Нагайбакской крепости открыты новшествам. Так, свою природную мобильность нагайбаки реализуют через неординарные проекты, как, например, «Из Парижа в Париж: путешествие по дорогам предков», когда в честь 200-летия Отечественной войны 1812 г. нагайбаки отправились в европейские города. Поездка нагайбаков в какой-то мере напоминала паломничество, поскольку они посетили места военной славы своих далеких предков-казаков.

Нагайбаки активно проявляют себя в кибер-культуре, ориентированы на фестивальное движение и этнотуризм. Они с воодушевлением встречают тех, кто интересуется их культурой: снимаются в фильмах, посвященных их традициям, помогают ученым-этнографам в изучении своей этничности и истории. Активисты презентуют свою культуру на внешних конкурсах и фестивалях, главным образом, через фольклор, одежду, язык, пищу.

Одновременно нагайбаки консервативны в отношении родства: любая трансформация старинных обычаев и ритуалов воспринимается как подрыв устоев предков. К примеру, они не раз отказывали репортерам в съемках традиционного поминального обряда *Аш бирэу*, объясняя это «святостью» и возможностью в нём участвовать только «близким родным». В этом отношении нагайбаки остаются закрытым народом: единственным условием вхождения в их группу является наличие родственных связей.

¹⁶ ПМА, пос. Остроленский, ноябрь 2015.

¹⁷ ПМА, с. Фершампенуаз, август 2012.

**Поминальный обряд *Аш бирэу*. Фото Е. А. Михалевой. Попово
Obit *Аш бирэу*. Picture by E. A. Mikhaleva. Popovo**

Дружественность–соперничество. У нагайбаков оформились собственные «дипломатические» стратегии во взаимодействиях с соседними этническими группами. С одной стороны, нагайбаки отмечают близость с другими народами: согласно их представлениям, они связаны родством с ногайцами, арабами, турками, гагаузами и др. Нагайбаки рассказывали об ощущении родства по языку с татарами или башкирами, если они находятся в ином (чаще всего русскоязычном) окружении, или о близости по религии с русскими (к примеру, если они в окружении мусульман). Родственная связь нагайбаков с другими народами часто «обнаруживается» во время поисков истоков собственной этничности. Такое родство условно и зависит от конкретной ситуации и контекста.

С другой стороны, нагайбаки к соседним народам относятся конкурентно, часто воспринимая их своими соперниками. Некоторые русские и татары рассказывали о сложностях проживания в нагайбакских селениях. Обычно люди не могут примириться с «нагайбакской завистью», «закрытостью» и «нежеланием пропускать чужих». По словам нагайбаков, пришлый человек сразу воспринимается как соперник: «Нагайбаки, особенно в Остроленке, не любят бедных людей: если он тихий и спокойный, то он придурок, если он хваткий –

это зверь». Директор школы остроленец Егор Исупов отметил особый «нагайбакский национализм»:

«Русские воспринимаются как сказочный Иван – добрый, открытый, простой. Нагайбакская народность более хитрая, скрытная; на нагайбакской территории русские достаточно слабо конкурируют с нагайбаками. Русские воспринимаются как люди, за счет которых можно поживиться, использовать».¹⁸

Одновременно нагайбаки подчеркивают свою дипломатичность в общении с соседними народами. По их мнению, за годы совместного проживания они научились взаимодействовать и с русскими, и с казахами, и с татарами, и с башкирами, и с калмыками. Наталья Юскина сообщила: «У нас нет неприязни к другим народам, мы одинаково любим русских, одинаково любим казахов, татар; если бы все народы на свете были такие, как нагайбаки, то никаких войн бы не было».¹⁹ Прожившая большую часть жизни среди нагайбаков, русская по национальности Раиса Сидорина сумела взглянуть на их культуру со стороны:

«Чтобы жить на границе – нужно быть очень мудрым, и я считаю, что нагайбаки очень мудрые. Они могут взаимодействовать с казахами, башкирами, русскими, при этом быть закрытым сообществом. У них нормальные толерантные отношения со всеми, потому что граница другого не предполагает».²⁰

Заключение

Этничность нагайбаков формировалась через внешнее воздействие: изначально их «образовало» царское правительство, создав Нагайбакскую крепость с определенными условиями проживания в ней. Впоследствии руководство Оренбургской губернии трансформировало самосознание казачьей группы через переселение их на Новую линию. Конкуренция православных и мусульманских миссионеров в конце XIX – начале XX в. усилила различия трёх нагайбакских групп. Советская власть сделала попытку замены этничности с нагайбакской на татарскую. Благодаря мотивации Маметьева, с 1980-х гг. нагайбаки впервые самостоятельно мобилизовали и активировали свою этничность.

¹⁸ ПМА, пос. Остроленский, август 2012.

¹⁹ ПМА, пос. Остроленский, август 2015.

²⁰ ПМА, с. Фершампенуаз, июнь 2014.

Изоляция после переселения, принадлежность к военному сословию, соседство с народами разных традиций и верований помогли нагайбакам стать «людьми границы». Пограничье позволило нагайбакам объединить в своей этничности оппозиции: гостеприимство и соперничество, открытость новациям и закрытость традиций. При этом родство своей очерченностью в обрядности и повседневности подпитывает традиционную культуру нагайбаков. Полиэтническая зона сформировала нагайбакский народ, который оказался адаптивен к разного рода изменениям. Благодаря пограничному состоянию культуры в разные периоды истории нагайбаки «включали» то открытость, то закрытость, то их различные сочетания. Если, согласно Р. Бенедикт, этнические группы подразделяются на два типа – «экстравертные» (открытые и страстные) и «интровертные» (закрытые и сдержанные) (Benedict 1934, p. 54), то в отношении нагайбаков это метафорическая дихотомия применима в ситуативном контексте: в зависимости от времени и обстоятельств они предпочитали то открытый, то закрытый стиль самопозиционирования. Акцент на закрытости дал возможность сохранения своей культуры в советское время («интровертность»). В постсоветский период, напротив, они мобилизовали свою этничность через открытость («экстравертность»).

Динамизм в этничности обусловил переход нагайбаков от пространственной мобильности в прошлом к этнической активизации в современности. Находясь на перекрестке разных типов культур – кочевой и оседлой, христианской и мусульманской, европейской и азиатской – нагайбакская культура стала восприимчивой и адаптивной, а кочевое и пограничное казачье социокультурное наследие послужило основанием мобильности и маневренности в действиях нагайбаков.

Библиография

- Атнагулов, И. Р. 2015. *Идентичности нагайбаков: генезис, структура, динамика*. Магнитогорск: Магнитогорский дом печати.
- Барт, Ф. 2006. Введение. В кн. *Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий*. С. 9–48. М.: Новое издательство.
- Бектеева, Е. А. 1902. Нагайбаки (Крещёные татары Оренбургской губернии). *Живая старина*. С. 165–181.
- Белоруссова, С. Ю. 2017. Родство в этничности нагайбаков. *Уральский исторический вестник* 2 (55): с. 88–95.
- Белоруссова, С. Ю. 2016. Нагайбаки на перекрестке православных и мусульманских миссий. *Религиоведение*. № 3: с. 43–53.
- Витевский, В. Н. 1882. Нагайбаки Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии. *Волжско-Камское слово*. № 72, 74, 80, 138, 144.

- Головнёв, А. В. 2018. Концептуализация мобильности в антропологии и этнографии. *Уральский исторический вестник* 3 (60): с. 6–15.
- Головнёв, А. В. 2015. *Феномен колонизации*. Екатеринбург: УрО РАН.
- Головнёв, А. В. 2013. Уральские этнодиалоги. *Уральский исторический вестник* (2) 39: с. 4–15.
- Головнёв, А. В. 2012. Этничность: устойчивость и изменчивость (опыт Севера). *Этнографическое обозрение* 2: с. 11–12.
- Ден, В. Э. 1902. *Население России по пятой ревизии*. М.: Университетская типография.
- Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. 1735 и 1736 гг.* Т. 2. Оренбург, 1900.
- Рычков, Н. П. 1770. *Журнал или дневные записки капитана Рычкова по провинциям Российского государства, 1769 и 1760 году*. СПб.: Императорская Академия Наук.
- Рычков, П. И. 1762. *Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым*. Ч. 1. СПб.: Императорская Академия наук.
- Рычков, П. И. 1762. *Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым*. Ч. 2. СПб.: Императорская Академия наук.
- Соловьёв, С. М. 1988. *Сочинения. История России с древнейших времен*. Т. 1. М.: Мысль.
- Софронов, М. 1898. Религиозное состояние нагайбаков прихода Фершампенуазского. *Оренбургские епархиальные ведомости* 21 (неоф.): с. 835–841.
- Стариков, Ф. М. 1884. *Откуда взялись казаки (исторический очерк)*. Оренбург: Тип-лит. И. И. Евфимовского-Мировицкого.
- Урри, Дж. 2012. *Мобильности*. Пер. с англ. А. В. Лазарева. М.: «Праксис».
- Barth, F. 1969. Introduction. In *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference*. P. 9–38. Bergen: Universitetsforlaget; London: Allen & Unwin.
- Benedict, R. 1959. *Patterns of Culture*. New York: Houghton Mifflin.
- Ingold, T. 2011. *Being Alive. Essays on Movement, Knowledge and Description*. London; New York: Routledge.
- Leed, E. 1991. *The Mind of the Traveler. From Gilgamesh to Modern Tourism*. New York.
- Ratzel, F. 1882. *Anthropogeographie*. I Teil. Grundzüge der Anwendung der Erdkunde auf die Geschichte. II Teil. Die geographische Verteilung der Menschen. Stuttgart.

References

- Atnagulov, I. R. 2015. *Identichnosti nagaibakov: genezis, struktura, dinamika [Identities of the Nagaibaks: Genesis, Structure, Dynamics]*. Magnitogorsk: Magnitogorskii dom pečhati. (In Russian)
- Barth, F. 2006. *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy: Sotsial'naia organizatsia kul'turnykh razlichii [Ethnic Groups and Social Boundaries: The Social Organization of Cultural Differences]*, 9–48. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russian)
- Barth, F. 1969. *Introduction in Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference*, 9–38. Bergen: Universitetsforlaget; London: Allen & Unwin.
- Bekteeva, E. A. 1902. “Nagaibaki (Kreshchenye tatory Orenburgskoi gubernii) [The Nagaibaks (Baptized Tatars of Orenburg Guberniia)].” *Zhivaia starina*: 165–181. (In Russian)
- Belorussova, S. Iu. 2017. “Rodstvo v etnichnosti nagaibakov [Kinship in Ethnicity of the Nagaibaks].” *Ural'skii istoricheskii vestnik* 2: 88–95. (In Russian)
- Belorussova, S. Iu. 2016. “Nagaibaki na perekrestke pravoslavnykh i musul'manskikh missii [Nagaibaki at the Intersection of Orthodox and Muslim Missions].” *Religiovedenie* 3: 43–53. (In Russian)
- Benedict, R. 1959. *Patterns of Culture*. New York: Houghton Mifflin.
- Den, V. E. 1902. *Naselenie Rossii po piatoi revizii [Population of Russia according to the Fifth Revision]*. Moscow: Universitetskaia tipografiia. (In Russian)
- Golovnev, A. V. 2018. “Kontseptualizatsiia mobil'nosti v antropologii i etnografii [Conceptualization of Mobility in Anthropology and Ethnography].” *Ural'skii istoricheskii vestnik* 3: 6–15. (In Russian)
- Golovnev, A. V. 2015. *Fenomen kolonizatsii [The Phenomenon of Colonization]*. Ekaterinburg: UrO RAN. (In Russian)
- Golovnev, A. V. 2013. “Ural'skie etnodialogi [The Ural Ethnic Dialogues].” *Ural'skii istoricheskii vestnik* 2: 4–15. (In Russian)
- Golovnev, A. V. 2012. “Etnichnost': ustoichivost' i izmenchivost' (opyt Severa) [Ethnicity: Sustainability and Variability (Experience of the North)].” *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 11–12. (In Russian)
- Ingold, T. 2011. *Being Alive. Essays on Movement, Knowledge and Description*. London; New York: Routledge.
- Leed, E. 1991. *The Mind of the Traveler. From Gilgamesh to Modern Tourism*. New York.
- Materialy po istorii Rossii. Sbornik ukazov i drugikh dokumentov, kasaiushchikhsia upravleniia i ustroistva Orenburgskogo kraia. 1735 i 1736 gg [Materials on the History of Russia. A Collection of Orders and Other Documents Concerning the Rule and Government in the Orenburg Province]*. Vol. 2. Orenburg, 1900.
- Ratzel, F. 1882. *Anthropogeographie. I Teil. Grundzüge der Anwendung der Erdkunde auf die Geschichte. II Teil. Die geographische Verteilung der Menschen*. Stuttgart.

- Rychkov, N. P. 1770. *Zhurnal ili dnevnye zapiski kapitana Rychkova po provintsiiam Rossiiskogo gosudarstva, 1769 i 1760 godu* [The Captain Rychkov's Magazine or Daily Notes about Provinces of Russian State]. Saint Petersburg: Imperatorskaia Akademiia Nauk. (In Russian)
- Rychkov, P. I. 1762. *Topografiia Orenburgskaia, to est: obstoiatel'noe opisanie Orenburgskoi gubernii, sochinennoe kolezhskim sovetnikom i Imperatorskoi Akademii nauk korrespondentom Petrom Rychkovym* [Orenburg Topography: Detailed Description of Orenburg County Written by Petr Rychkov, Collegium Advisor and Correspondent of Academy of Sciences]. Part 1. Saint Petersburg: Imperatorskaia Akademiia Nauk. (In Russian)
- Rychkov, P. I. 1762. *Topografiia Orenburgskaia, to est: obstoiatel'noe opisanie Orenburgskoi gubernii, sochinennoe kolezhskim sovetnikom i Imperatorskoi Akademii nauk korrespondentom Petrom Rychkovym* [Orenburg Topography: Detailed Description of Orenburg County Written by Petr Rychkov, Collegium Advisor and Correspondent of Academy of Sciences]. Part 2. Saint Petersburg: Imperatorskaia Akademiia Nauk. (In Russian)
- Sofronov, M. 1898. "Religioznoe sostoianie nagaibakov prikhoda Fershampenuazskogo [Religious Condition of the Nagaibaks of the Fershampenuaz Parish]." *Orenburgskie eparkhialnye vedomosti* 21: 835–841. (In Russian)
- Solov'ev, S. M. 1988. *Sochineniia. Istoriiia Rossii s drevneishikh vremen* [Writings. History of Russia from Antiquity]. Vol. 1. Moscow: Mysl'. (In Russian)
- Starikov, F. M. 1884. *Otkuda vzialis' kazaki (istoricheskii ocherk)* [The Emergence of the Cossacks (An Historical Essay)]. Orenburg: Tip-lit. I. I. Evfimovskogo-Mirovitskogo. (In Russian)
- Vitevskii, V. N. 1882. "Nagaibaki Verkhneural'skogo uezda Orenburgskoi gubernii [The Nagaibaks of Verkhneural'sk District of Orenburg Guberniia]." *Volzhsko-Kamskoe slovo* 72, 74, 80, 138, 144. (In Russian)
- Urry, J. 2012. *Mobil'nosti* [Mobilities]. Translated from English by A. V. Lazarev. Moscow: Praksis. (In Russian)

Об авторе

Светлана Юрьевна Белоруссова – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела этнографии Центральной Азии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера), доцент НИУ «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург).

This article was:

received on February 2, 2019

received after minor revision on April 10, 2019

accepted for publication on April 10, 2019

published online on August 7, 2019